

ЭТИМОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

(к изучению болгарских заимствований
в славянских языках)

Как этимология, так и историческая лексикология имеют своим предметом историю слова — его возникновение, а также хронологическую эволюцию. В связи с этим некоторые исследователи принципиально не проводят разграничения понятий *историческая лексикология* и *этимология* путем безоговорочной инкорпорации последней в состав широко понимаемой первой¹. Подобное недифференцированное рассмотрение имеет оправдание в конкретных трудах по истории лексики, где обязательно учитывается и сравнительно-исторический материал этимологических разысканий, и в особенности филологический материал из памятников письменности, который составляет главный предмет анализа в собственно исторической лексикологии. Ведь этимология и историческая лексикология преследуют решение одной задачи — установление истории слова, включая его генезис, что и требует их объединения, но характер материала, привлекаемого для этой задачи в исторической лексикологии и в этимологии, а также методы интерпретации этого материала различны. Историческая лексикология в узком смысле слова ограничивается материалом одного языка на протяжении его письменной истории и, являясь дисциплиной по преимуществу филологической, имеет сравнительно ограниченные хронологические возможности: ее выводы обусловлены исключительно лишь хронологической глубиной письменной традиции. Историческая лексикология в таком узком понимании дает весьма надежный и четко датируемый материал: ее факты и наблюдения отражают реальные и наглядные факты эволюции слова.

Только лишь одни этимологические методы анализа лексического материала применимы к бесписьменным языкам и к дописьменной истории письменных языков, отличаясь глубокими хронологическими возможностями, но вся эта хронологическая глубина реконструкции целиком основана на более или менее гипотетических построениях и поэтому зачастую чревата опасностью ложных выводов. Последние должны проверяться какими-то реально засвидетельствованными вехами в истории слова, которыми занимается историческая лексикология.

¹ Ларин Б. А. Историческая лексикология (Вводные лекции к спецсеминару). — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977, с. 11—23. Здесь продолжают традиции книги: Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, где собственно историческая лексикология и этимология теоретически противопоставлены, но такое противопоставление фактически свимается при анализе конкретного материала.

Представляется целесообразным все же в теоретическом плане противопоставлять историческую лексикологию и этимологию как две различные совокупности научных приемов изучения истории слова в рамках лингвистической дисциплины «история слова» или «история словарного состава». Как историческая лексикология, так и этимология обладают своими особыми исследовательскими методами и приемами анализа слова. Образно говоря, историческая лексикология имеет дело с реальными словами в реальных речевых произведениях — текстах. Обобщение различных речевых контекстов позволяет делать вывод о слове как языковой единице. В этимологических же построениях о слове как языковой единице исследователь вынужден судить по тени этого слова или делать заключение экстраполяционного характера на основе свойств рефлексов (т. е. опять же отражений-отображений) этого слова в родственных языках, а в случае его заимствования и в неродственных языках, причем этимология не чуждается использовать материалы исторической лексикологии разных языков. Следовательно, историческая лексикология делает свои выводы относительно развития слова в языке на основании материала речи, а этимолог постоянно имеет дело с фактами языка, уже получившими какое-то обобщение, хотя в некоторых случаях противопоставление фактов речи фактам языка оказывается несколько затрудненным.

Сочетание дополняющих друг друга филологических по своей природе методов исторической лексикологии в узком смысле этого термина с основанными на сравнительно-исторической лингвистике методами этимологии в правильном их согласовании дает верный ключ к истории слова. При этом, конечно, история слова должна подкрепляться материалами истории народа в соответствии со старым верным тезисом о связи истории слова с историей народа, а также о связи истории слова с историей обозначаемой им вещи (понятия).

Строящиеся на филологически подобранных материалах из письменных памятников и сравнительном материале родственных (а в случае заимствования — и неродственных) языков историко-этимологические построения опираются на системность анализа всех сторон истории слова — фонетической, морфологической, семантической, а иногда и синтаксической. Эта системность историко-этимологического построения обладает эвристической способностью и может быть использована для уточнения отдельных неясных мест в памятниках письменности. Можно привести несколько примеров, когда этимологический анализ дает средство к толкованию отдельных мест текста, непонятных не только самим по себе, но даже и в случаях привлечения исходного материала в виде оригинала переводного памятника.

Древний текст представляет большое количество трудностей для истолкования, поскольку в подобных текстах зачастую старое сосуществует с новым в тесном взаимном переплетении. В особенно затруднительном положении находится исторический лекси-

кограф, который в поисках наиболее показательных и четких контекстов вынужден опираться на большое по возможности количество разнородных (жанрово и хронологически) текстов. Множество текстов с неясной хронологией только усложняет поиски решения.

Историческая лексикография также по необходимости оказывается в значительной степени связанной словарной традицией, ошибки которой обычно преодолеваются с чрезвычайно большим трудом, особенно если они восходят к известным авторитетам и прочно входят в словари. Заметить такие ошибки оказывается особенно трудно, когда они отражают не столько языковое значение, сколько побочное контекстное речевое значение, которое обнаруживается для лексикографа более ярко, чем фактическое языковое значение слова, обобщаемое лишь при заведомом отказе от опоры на яркие контекстные употребления.

А. Х. Востоков включил в свой «Словарь церковнославянского языка» (т. I, СПб., 1858, с. 61) следующую словарную статью: «ВЪЛОГОМЪ в виде нар[ечия] бегом, в догонку. Ефр. Сир. XIV в. постиже та вълогомъ приставникъ иосифовъ κατέλαβεν αὐτούς δρόμῳ ὁ ἐπίτροπος illos cursu insequutus dispensator». При этом иллюстративная славянская цитата из Поучения Ефрема Сирина по рукописи XIV в. имп. Публичной библиотеки (ныне им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) была снабжена многозначными греческой и латинской параллелями; с опорой на греч. δρόμῳ и лат. *cursu* А. Х. Востоков приписал предполагаемому наречию значение 'бегом, в догонку', ограничившись лишь ближайшим значением греческого и латинского слов, которые фактически имеют гораздо больше значений.

Ему предшествовало слово: «ВЪЛОГЪ с. м. жареное мясо? Ев. Толк. XVI в. и вълогы къ тѣмъ коуроптины и теревины. και ὄψον πρὸς τοῦτους et adhaec assas carnes.

Осторожный вопросительный знак при этом слове в дальнейшем, к сожалению, исчез, а подозрительное толкование перестало подвергаться сомнению. Не учтена здесь также возможность иной исходной формы с учетом архаичности написания (*волога*), что, как будет показано дальше, представляется единственно правильным.

Составитель другого крупного словаря древнеславянского книжного языка *Lexicon palaeoslovenico — graeco — latinum* (Vindobonae, 1862—1865, p. 96). Фр. Миклошич, механически суммируя в одной статье все данные А. Х. Востокова, привлек для соответствующей словарной статьи гораздо более обширный, в том числе и южнославянский материал, не давая, впрочем, столь категоричного определения значения и ограничиваясь приведением греческих и латинских параллелей: «ВЪЛОГЪ m. ὄψον carnes assae, rectius quod una cum pane comedimus cod. saec. XVI. — vost. ВЪЛОГОМЪ δρόμῳ cursu ephr. — vost. НА ВЛОЗЪ ТОЧАЩЕ ἰππηλατοῦντες equitantes op. 2.2.151 σύνθημα pactum ВЪЛОГОМЪ ПОГЛЯШЕ (66) δημοσίαις συνθήμασι ἀπεστάλησαν men. mih.: nota

НА ВЪЛОГЪ ВЪСЪБИ ib. cf. ВЪЛОЖИШТЕ» и далее «ВЪЛОЖИШТЕ n. στάδιον stadium ioann 11, 18. Cod. saec. XIII — vost. cf. ВЪЛОГЪ».

Конечно, греческие и латинские параллели демонстрируют лишь своеобразие употребления слова в разных речевых контекстах, но они все-таки не дают возможности вскрыть главное значение слова в древнем языке и соответственно с этим исходным значением расположить вторичные значения и оттенки употребления в разных контекстах.

В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (т. I, СПб., 1893, стб. 275, 381) сохраняется общий материал А. Х. Востокова (со ссылкой на него буквой *B* в скобках) и Ф. Миклошича, поданный в трех словарных статьях, без толкования по-русски, но лишь только с сохранением греческих и латинских параллелей:

«ВЛОГЪ: на влозѣ: — Црьскими повелѣнїи на влозѣ точаще (ἰππῆλατοῦντες — езда на конях). Сильв. и Ант. вопрс. — см. ВЪЛОГЪ»

«ВЪЛОГЪ: вълогомъ (*B.*) — δρόμος, signu. Постижє та вълогомъ приставникъ Иосифовъ. Ефр. Сир. XIV в.» Отсылка к статье *влогъ* дана лишь в «Дополнениях» к словарю (СПб., 1912, стб. 52').

«ВЪЛОГЪ (*B.*) — ὄψον: — И вѣлогы къ тѣмъ куроуптины и тетеревины (ὄψον πρὸς τοῦτους, et adhaec assas carnes). Ев. толк. XVI в.»

Исключение старосербского материала из Минеи Михановича, имеющегося в «Лексиконе» Ф. Миклошича и естественно лишнего в древнерусском словаре, несколько сузило возможности для определения семантики этого довольно сложного слова.

Выходящий сейчас капитальный «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 2. М., 1975, с. 227), привлекая новый фактический материал из письменных памятников, подал два омонима *влогъ* и прилагательное *вложный* (с. 229):

«ВЛОГЪ¹, м. Мясо, мясная пища, И вѣлогы къ тѣмъ куроуптины и тетеревины (ὄψον). Ев. толк., XVI в.* Преплувше же [Зивон] в Халкидонѣ, створивше путьꙗ без влога женущих ради, и гонзъше, доидоша на страны Исаварьски. ВМЧ, Дек. 6—17, 842. XVI в.»

«ВЛОГЪ², м. Влогомъ, в знач. нареч. *Бегом, вдогонку; быстро, поспешно.* И посла вѣлогомъ, написав епистолию, имущу образъ сѣй. ВМЧ, Окт. 4—18, 846. XVI в. На влозѣ — *быстро.* Царьскими повелѣнїи на влозѣ точаще. (Сильв. и Ант. Вопр.) Оп. II (2), 150. 1512 г.»

«ВЛОЖНЫИ, прил. *Быстрый, скорый.* Воины своими вѣсхыщъ мя и на вложное мя клюся вѣсадивъ. Усп. сб., 293. XII—XIII вв. Молился ему [царю] вдати ему книги проводныя къ палестиньскимъ княземъ и вложныя коня, да тамо вшедъ влогомъ ко святому, возложениемъ руку его здравъ будетъ. ВМЧ, Окт. 19—31, 1721, XVI в. — Ср. влогъ². В последней цитате опущена наличная в издании (в подстрочном примечании) латинская параллель к со-

четанию *вложныйя коня* — (cum) comitatu 'с сопровождением; эскортом, свитой; обозом, транспортом и т. п.'²

Во всех этих построениях необходимо исправить одну застарелую ошибку: слова *вълогъ*, *влогъ* в значениях греч. ὄψον 'мясная пища' совсем не существует, поскольку оно есть результат неправильного восприятия типично восточнославянского слова *волога* 'приправа к пище; жидкая пища' в условно архаизованной орфографии (замена *о* на *ъ*) «Толкового евангелия» XVI века Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Неправильно прочитанная и восстановленная А. Х. Востоковым форма *вълогъ* = ὄψον должна теперь быть вычеркнута из повторяющих его выводы лексикографических пособий, а полногласное слово *волога* из церковнославянского памятника не должно смущать исследователя.

Что касается остальных случаев действительного употребления существительного *вълогъ*, *влогъ* (вместе с прилагательным *въложныйи*), то их определение как своеобразных наречных выражений со значением 'быстро' и т. п. наталкивается на ряд трудностей в восстановлении семантики исходной формы — именительного падежа *вълогъ*. Трудности в значительной степени отпадут, если в церковнославянском слове *вълогъ* видеть древнее булгарское заимствование, в точности соответствующее почти общетюркскому по распространению производному от глагола *ула-* 'соединять' существительному *улағ* (*uлаγ*), выступающему уже в памятниках древнетюркской письменности и в современных тюркских языках как существительное со значением 'вьючное верховое животное, почтовая лошадь, перекладной конь, подвода, транспорт; курьер; связь; заплата' и т. п. Это тюркское слово получило широкое распространение во многих языках Европы и Азии, употребляясь в них с весьма обширным кругом значений³.

И в русских и в сербских церковнославянских текстах, цитаты из которых попали в рассматриваемые словари, слово *вълогъ*, вероятно, имело значение 'почтовая лошадь (подвода), почта, транспорт' и могло метонимически переходить на ряд смежных явлений, связанных с (почтовым) транспортом.

Не вызывает сомнений особо отмеченное Ф. Миклошичем сочетание **НѦ ВЪЛОГЪ ВЪСѢТИ** из Минеи Михановича и оставленное им без греческого или латинского соответствия. Конечно, здесь *вълогъ* имеет значение 'конь, подвода'. Греческое соответствие ἰππῆλατοῦντες, а также лат. equitantes 'ездя на лошади' тоже заставляют видеть это значение в цитате из «Вопросов и ответов св. Сильвестра и преп. Антония» по списку 1512 г. бывшей Московской синодальной библиотеки № 129: **НѦ ВЛОЗЪ ТО-**

² Великие Минеи-Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 19—31. СПб., 1880, стб. 1721.

³ Подробно см.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 588—590; Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 102—107 (N 521); Bd. IV, 1975, S. 414; Räsänen, S. 512.

ЧЯШЕ⁴. Привлеченные для «Словаря русского языка XI—XVII вв.» примеры из «Великих Миней-Четиих, собранных всероссийским митрополитом Макарием»: ПОСЛА БЪЛОГОМЪ⁵ и СТВОРИШЕ ПУТѢ БѢЗ БЛОГІ⁶ можно истолковать также на основании греческой параллели, приведенной у Ф. Миклошича к цитате БЪЛОГОМЪ ПОСЛАШЕ (ЄЄ) из Миней Михановича — σύνθημα (лат. *passum*), которое согласно Ш. Дюканжу значило 'evectio', т. е. 'подорожная'⁷. Ср. в «Латино-славянском лексиконе» Епифания Славинецкого: *evectio* — извезеніе, *synthema* — знаменіе вое(н)ное, грамота црская⁸. Передвижение на вѣлоге без подорожной, билета было невозможно, почему слово вѣлогъ употреблялось и в значении 'подорожная'. В цитате ПОСТИЖЕ ИИ БЪЛОГОМЪ ПРИСТАВНИКЪ ИОСИФОВЪ из «Поучения Ефрема Сирина» по рукописи XIV в. Публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина греческое соответствие δρόμος (лат. *cursu*) следует переводить не 'бегом', а 'по пути, по тракту (где ездят на влогах)'. Во всяком случае, все контексты с упоминанием слова вѣлогъ требуют к себе дополнительного внимания для выяснения всех деталей и оттенков значения этого загадочного термина.

Непосредственное обращение к текстам, где употребляется термин вѣлогъ, много дает для уточнения значений. Например, в «Мучении святыю мученику Сергия и Вакха», откуда для «Словаря русского языка XI—XVII вв.» взята цитата И посла вѣлогомъ, написав епистолию, слово вѣлогъ встречается еще в следующих контекстах: Поим'ше же я [мучеников Сергия и Вакха], влогомъ ведоша в той день вдале 12 поприщу от града. Вечеру же бывшую, пролежаша в етерѣ гостинници, — и далее: Яко же по велѣнію цареву влогомъ со многымъ храненіемъ ведяху я из' града въ град', на предлежащий путь мучения, дон'деже ведена быста въ Ефратійскую епархію, в Милиты, суцая близъ срачиньска языка, идѣже Антиохъ дуксъ живяще⁹. Здесь, вероятно, вѣлогъ значит 'почтовая дорога, движение по почтовой дороге с конвоем, расстояние между почтовыми станциями'.

Весьма характерно употребление сочетания вложныи конь в «Житии Иоанна Златоустого»: Къмисъ же. . . помоли Иоанна да изыдетъ с нимъ изъ града вонъ къ вратамъ ѿже ся зовуть Романасія и всадивыи (т. е. всадивъ и. — И. Д.) на вложныи конь

⁴ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, с. 150—151. Отмеченное в этом памятнике ударение на влогѣ также говорит в пользу тюркского происхождения слова.

⁵ Великие Миней-Четии. . . Октябрь. Дни 4—18. СПб., 1874, стб. 846.

⁶ Там же. Декабрь. Дни 6—17. М., 1904, стб. 852.

⁷ Du Cange Carolus du Fresne. Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Graecitatis, t. II. Bratislaviae, 1891, col. 1485.

⁸ Лексикон латинський Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинський Е. Славинецкого та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973, с. 184, 392; Значенне 'подорожня' отмечается у греч. σύνθημα и лат. *evectio* даже популярным «Латинско-русским» словарем Н. Х. Дворецкого (М., 1976, с. 382, 993).

⁹ Великие Миней-Четии. . . Октябрь. Дни 4—18, стб. 846, 847.

вдасть и посланному Емноху, — имеющего греческую параллель *δρυσιφ βερεδφ*, т. е. 'на общественного коня'¹⁰.

Прилагательное *въложный* в составе сочетаний *вложный конь*, *въложное ключа* (вин. ед.), *вложный коня* (вин. мн.), безусловно, должно быть истолковано как 'почтовый, транспортный', причем характерно отождествление использования *вложных коней* и движение *влогом* в Великих Минеях-Четиях: Молися ему [царю] вдати ему книги проводныя къ палестиньскимъ княземъ и *вложныя коня*, да тамо вшедь *влогомъ* ко святому, возложениемъ руку его здравъ будеть¹¹.

В заключение анализа словарного материала следует добавить, что принятое в словарях указание на быстроту, скорость в толкованиях слов *вълогъ*, *въложный* содержат в себе рациональное зерно: движение на лошадях и по хорошей дороге отличается большей скоростью по сравнению с пешим передвижением, но это толкование скорее относится к общему контексту, чем непосредственно к толкуемому слову.

Хотя этимологические соображения при выяснении значения слов *вълогъ*, *въложный* опирались здесь у нас на семантику тюркского *улағ*, и его семантику в заимствовавших его языках, что и дало возможность внести коррективы в лексикографическую практику, однако есть также возможность на основании выражений и слов современного русского языка *заложить* (*закладывать*) *лошадь* (*коня* и т. п.), *переложить* (*перекладывать*), *перекладные* (*лошади*) высказать предположение о связи названия *вълогъ* с глаголом (*въ*)*ложити*. Категорически высказаться в пользу такого предположения мешает лишь отсутствие у глагола *въложити* следов значения 'впрячь', причем обращает на себя внимание своеобразие управления: *впрячь* (*запрячь*) *коня в телегу*, но *заложить коня в телегу* наряду с *заложить телегу*. В таком случае связь названия почтовой лошади *вълогъ* с глаголом (*въ*)*ложити* придется рассматривать как вторичную в связи с преобразованием болгарского соответствия **вѣлѣг* (с краткими гласными) общетюркскому *улағ*, где краткость гласных устанавливается туркменским материалом: *ула-* 'соединять, присоединять', *улағ* 'верховое или вьючное животное; разговор. транспорт'.

В пользу предполагаемой связи рассмотренного названия почтовой лошади *вълогъ* с глаголом *въложити* говорит привлеченное Ф. Миклошичем церковнославянское наименование меры длины *въложнице*, которое входит в синонимический ряд с одинаково оформленными *станице* и *попърище*¹². Представленные в русской письменности и диалектах наименования разного рода расстояний типа *упряжка* 'расстояние, которое проезжают лошади без распрягания', *выпряжай* 'расстояние между местом отправления в путь и местом остановки', *пряжка*, *прежка*, *пряга* и т. п.¹³, воз-

¹⁰ Там же. Ноябрь 13—15. СПб., 1899, стб. 951.

¹¹ Там же. Октябрь. Дни 19—31. стб. 1721.

¹² Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 21.

¹³ Романова Г. Я. Указ. соч., с. 126.

можно, построены по той же семантико-деривационной модели, что и церковнославянское *въложище*.

Вопрос о хронологии проникновения болгаризма *вълогъ* (из болг. **вѣлѣг*) на основании отражения кратких гласных *у*, *а* как соответственно *ъ* и *о* осложняется контаминационными связями с глаголом *въложити*. Во всяком случае можно смело предполагать достаточно глубокую древность заимствования на основании фиксации прилагательного *въложьныйи* в Успенском сборнике XII—XIII вв. Важно также учесть, что болгаризм проник в церковнославянскую письменность. Очевидно, что заимствование проникло в славянскую речь еще до принятия славянами христианства, а в момент вхождения в церковнославянские тексты термин *вълогъ* уже утратил характер «поганского» слова, что позволило ему войти в благочестивые тексты житийного характера. В связи с этим роль глагола *въложити* в фонетической трансформации болгарского **вѣлѣг* в славянский почтово-коневодческий термин *вълогъ* оказывается минимальной и не решающей. Для уточнения хронологии слова *вълогъ* у славян чрезвычайно важным представляется исследование истории славянских текстов Великих Минея Четых, собранных в XVI в. митрополитом Макарием. В описанных А. В. Горским и К. И. Невоструевым «Вопросах и ответах Сильвестра и Антония» отмечаются «ясные следы болгарского происхождения, и притом довольно в древнее время», причем здесь фигурируют явные тюркизмы с болгарскими чертами: *тволага* 'телка', *с(ы)н(о)ве* 'башни', *бѣлѣг* 'знак', *кѣрилъ* 'форма', *тевѣгъ* 'ремень, стягивающий упряжь', *пѣко ѿ сасыгы* 'из печи, откуда льется расплавленный металл'. Частично эти слова уже привлекали к себе внимание этимологов¹⁴.

Что касается места проникновения слова *вълогъ* в славянскую речь, то решить этот вопрос можно будет лишь на основе истории текстов, где это слово употребляется, поскольку в современных славянских языках и диалектах следов этого слова, кажется, не обнаруживается. Однако можно предполагать его южнославянский (болгарский) характер.

Весьма созвучные и также связанные с коневодством с.-хорв. обл. *логѡв* 'пристяжная лошадь' и болг. устар. *логдѣ* с тем же основным значением к этому отношения не имеют, поскольку представляют собой венгерские заимствования, восходящие к венгерскому причастию на *-б* от глагола *lóg-* 'висеть; болтаться; бездельничать', как и рум. *logău*, *lugău*, *lăgău*¹⁵.

Созвучное офенское название лошади *ловѣк*, *лавѣк*, также *ловачѣнок* 'жеребенок', *ловачѣха* 'кобыла' М. Р. Фасмер когда-то

¹⁴ Горский А. В., Невоструев К. И. Указ. соч., с. 147—148. Этимологии некоторых из приведенных отсюда в «Материалах» И. И. Срезневского слов см.: Pritsak O. *Bolgarische Etymologien*. — *Ural-Altische Jahrbücher*, 1957, Bd. XXIX.

¹⁵ Décsy Gy. *Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache*. Wiesbaden, 1959, S. 45 (N 29). Сюда также следует добавить польск. устар. *logosz*, словац. диал. *logoš* — см.: *Stawski*, t. V, zes. 2 (22), с. 145—146.

выводил с долей неуверенности из греческого источника¹⁶. «Может быть из более древнего * *лоакъ* < (ἀ)λογάκι; ἄλογον „equus“.., также как название рыбы: ἀλογάκι „hipposampus L.“». Но это гипотетическое сопоставление с сугубо книжным греческим ἄλογος ‘бессловесный’ впоследствии было заменено в пользу выведения офенского слова из венгерского *lovak* ‘лошади’ (мн. число от *ló* ‘лошадь’)¹⁷.

Звуковую и семантическую близость к слову *вълогъ* обнаруживают два гапакса, отмеченные еще А. Х. Востоковым и перешедшие далее в словари Фр. Миклошича, а также И. И. Срезневского (привожу по последнему, — т. II, СПб., 1895, стб. 5—6):

«**ЛЯКИНИИ** (В.) — кобылица (?): — И бѣше оу Соломона м̄ тысящъ лакинии конь воиничьскы (τέσσαρες χιλιάδες θήλειαι ἵπποι εἰς ἄρματα; четыредесять тысящ кобылиц в колесницы). *Цар. 3. X. 25 по сп. 1538 г. (В.)*»

«**ЛЯКИИ** (В.) — блудница (?): — Съ блудницею не творити любви, съ женою же не лиха чьсо соглати, съ дѣтищемъ не оумножи словесъ, с лакиєю не имѣи любве. *Ефр. Сир. XV в.* (Последних слов в подлиннике нет; вероятно, это приписано было на полях против слов «съ блудницею не творити любви», и, может быть, *лакииа* значило собственно то же, что *лакииша*, кобылица, а в переносном смысле принималось за блудницу. (В.)»

Такое сопоставление (*вълогъ* и *лакииния*, *лакия*) не следует исключать, поскольку тюркское *улағ*, *улақ*, пройдя через новогреческое посредство (οὐλάκης, ὀλάκης), стало источником европейских слов типа франц. *laquais*, нем. *Lakai*, польск. *lokaј*, рус. *лакей* и т. п.¹⁸ Начальный гласный в этом слове исчез на греческой почве в результате взаимодействия с артиклем. Ср. н.-греч. τράκι, (ὀ)ντράκι ‘очаг, дымоход’ из тюрк. *оджак*, *очаг*. Однако суффиксация образований *лакииния*, *лакия* остается неясной. Относительно семантики последнего: ср. у М. Р. Фасмера осторожное сопоставление архангельского *ѣнда* ‘распутная женщина’ с тюркским *йонт*, *йонд* ‘лошадь’ (точнее *йунт*, *йунд*)¹⁹.

Любопытно также отметить, что в золотоордынский период тюркское название транспортно-почтовой повинности *улағ* (монг. *улаға*), *улағ* *илмек* переводилось на русский язык словом *подвода*²⁰, что до некоторой степени может говорить против восточнославянского характера слова *вълогъ*, которое, впрочем, к тому

¹⁶ Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909 (=Сборник по Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук, т. LXXXVI, № 1), с. 116.

¹⁷ Horbatsch O. Lexikale und Wortbildungselemente des ukrainischen Argots. — Sonderdruck aus Slawistische Studien zum V Internationalen Slawistenkongress in Sofia 1963. Göttingen, 1963, S. 8.

¹⁸ Lokotsch, S. 166; Machek², с. 338.

¹⁹ Sinor D. Notes on the Equine Terminology of the Altaic Peoples. — Central Asiatic Journal, 1965, v. X, N 3—4, p. 309—312. Ср. Фасмер II, с. 19.

²⁰ Vásáry I. *Susun* and *süsün* in Middle Turkic Texts. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XXX, fasc. 1. Budapest, 1977. p. 57; cf. Smith Jr., J. M. Mongol and Nomadic Taxation. — Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970, v. 30, p. 46—85.

времени просто могло выйти из употребления, сохранившись лишь в церковнославянском употреблении.

Развитие значения от 'лошадь' до 'почта' отмечается, например, у латинского *verēdus* 'рысистая почтовая (или охотничья) лошадь', которое, попав в арабский язык и получив облик *барūd* (мн. число *буруд*), стало употребляться в современном арабском языке в значениях 'голец, посыльный', но чаще просто 'почта', хотя оно также было известно и в значениях 'быстроходный (курьерский) мул или конь'²¹. В персидском языке сейчас этот устаревший арабизм *бāрид* имеет значение 'вестник; курьер, вестовой', сохраняя лишь часть значений арабского оригинала. История семантики термина *вълогъ* на славянской почве была, по-видимому, еще более сложной.

Во всяком случае, значения славянского существительного *вълогъ* 'почтовая лошадь; подорожная; почтовая дорога, расстояние между станциями; конвой, свита, почта' удалось объединить только на основе этимологических связей с развившим аналогичную многозначность тюркским словом *улағ*, а также по аналогии с семантической историей латинского *verēdus* на почве арабского языка. Привлечение дополнительного материала из славянских памятников поможет в дальнейшем установить детали семантического развития слова и уточнить первоначальный ареал его бытования, что окажется возможным только после выяснения истории памятников письменности, в которых это слово употребляется.

²¹ *Белкин В. М.* Арабская лексикология. М., 1975, с. 102; *Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftsteller, von Brünow/Fischer.* Leipzig, 1960, S. 13. В арабском языке *барūd* также имело значение 'расстояние между двумя почтовыми станциями в 2 (в Персии) или в 4 (в Западных странах) фарсаха (по 3 мили каждый фарсах)'. См. *Enzyklopaedie des Islams, Bd. I.* Leiden — Leipzig, 1913, S. 685. Допустимо, что этимологически неясное латинское название лошака (жеребец + ослица) *burdo* или *burdus* представляет собой обратное заимствование ломаного множественного числа от *барūd* с семантическим сдвигом, причем форма *burdo* скорее всего отражает сирийско-арамейскую форму *status emphaticus*. Между прочим, латинизм *бурдъ* употребляется один раз в русском памятнике XVI в. «Назиратель» (М., 1973, с. 250): коли конь смѣшается со ослицею тогда опять от него иной род происходит как то суть мулове п *бурдове* малую розность от коней имеюще. Он не зафиксирован до сих пор в русской исторической лексикографии, как и византийизированная «римская речь» *Вурдунарь* 'м'ска́мъ блостѣтел(ь)' наших азбуковников: см. *Костун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 274.